

О.Г. ХАРИТОНОВА*

ЭТНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ И ПОСТКОНФЛИКТНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению состояния исследований этнических войн в контексте гражданских войн, причин, институциональных и контекстных факторов, способствующих началу и возобновлению гражданских и этнических войн, связей между политическими режимами и риском гражданских и этнических войн, а также перспектив постконфликтного урегулирования разделенных обществ. Автор показывает, что, несмотря на выявленную статистическую значимость, количественные модели не могут раскрыть причинно-следственные связи, так как не учитывают политической воли акторов, действующих в разных институциональных контекстах.

Ключевые слова: гражданская война; этническая война; разделенное общество; постконфликтная демократия.

O.G. Kharitono

Ethnic wars and post-conflict democracy

Abstract. The article analyzes the state of the research of civil wars, ethnic wars, the conditions and institutional and contextual factors which increase the risk of beginning and resuming wars, the relationship between political regime types and civil and ethnic war risks. Special attention is given to the post-conflict institutional regulation of divided societies. The article concludes that despite the statistical significance of various variables, the quantitative models can not reveal the cause-and-effect relation-

*Харитоновна Оксана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Kharitono **Oxana**, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

ships without taking into account the political will of actors acting within different institutional contexts.

Keywords: civil war; ethnic war; divided society; post-conflict democracy.

Вследствие увеличения числа внутренних вооруженных конфликтов, в том числе этнических, в 1990-е годы в сферу сравнительных исследований режимных изменений вошли гражданские войны, которые рассматривались с использованием наработок по теориям протестов, гражданских волнений и социальных революций. В статье сделана попытка изучения состояния исследований этнических войн в контексте гражданских войн, причин, институциональных и контекстных факторов, способствующих началу и возобновлению гражданских и этнических войн, связей между политическими режимами и риском гражданских и этнических войн, а также перспектив постконфликтного урегулирования разделенных обществ.

Этнические войны в контексте гражданских войн

Этническая война – тип гражданской войны, в которой стороны конфликта представлены этническими группами [Cederman, Buhaug, Rød, 2009]. Однако не все политологи рассматривают этнические войны отдельно от гражданских войн другого типа. Такой подход позволяет увеличить число рассматриваемых казусов, что помогает решить проблему «слишком мало казусов, слишком много переменных». Одновременно уменьшается число переменных вследствие их статистической незначимости при исследовании всех примеров гражданских войн, таких как этнический состав населения и степень фрагментации. В результате авторы объясняют причины гражданских войн в целом и этнических войн в частности через объективные, в основном социально-экономические переменные, коррелирующие с началом любых внутренних войн.

Существует множество определений гражданских (или внутренних) войн. Большинство исследователей определяют их как вооруженное столкновение, происходящее внутри границ суверенного государства, между двумя и более акторами, имеющими общую власть до начала конфликта. В гражданских конфликтах

государство уже не обладает монополией на применение насилия вследствие появления группы вооруженных повстанцев. Наиболее авторитетным считается определение гражданской войны Сингера-Смола в проекте «Корреляты войны»¹: во-первых, она приводит к 1000 боевых жертв² в год (причем не менее 10% с каждой стороны); во-вторых, одной из сторон конфликта является центральное правительство; в-третьих, эффективное сопротивление с обеих сторон конфликта; в-четвертых, конфликт происходит в рамках определенной политической единицы. Таким образом, гражданские войны операционализируются, в первую очередь, через число жертв в суверенном государстве, причем одной из сторон конфликта должно быть государство, и обе стороны должны нести боевые потери. Такая общепризнанная операционализация позволяет отделить гражданские войны от террористических актов, геноцида, столкновений между криминальными группировками, переворотов и межгосударственных войн. Однако исследователи не пришли к согласию относительно того, как классифицировать войны, в ходе которых изменились основные акторы, – как одну долгосрочную войну или как несколько отдельных последовательных (например, война в Афганистане). Учитывая, что многие количественные исследования в качестве зависимой интервальной переменной рассматривают продолжительность гражданской войны, различия в классификации могут привести к разным результатам и, соответственно, к разным выводам.

Этнические войны имеют все признаки гражданских войн и ведутся с целью расширения политических прав определенных этнических групп и получения участия в процессах рекрутирования должностных лиц, принятия решений и самоуправления (от автономии до независимости) [Roeder, 2003, p. 512]. Согласно

¹ Проект «Корреляты войны» основан в 1963 г. Д. Сингером и М. Смолем (см.: The correlates of war project [Корреляты войны]. – Mode of access: <http://www.correlatesofwar.org/>)

² Конфликты с числом жертв от 1000 в год собраны в базе гражданских войн «Корреляты войны». Конфликты с числом жертв от 25 в год – в базе вооруженных конфликтов Уппсальского университета (см.: Department of peace and conflict research Uppsala universitet [Отдел изучения мира и конфликтов Уппсальского университета]. – Mode of access: <http://www.pcr.uu.se/research/UCDP/>). В данном контексте следует иметь в виду, что другие режимные изменения, в том числе перевороты и революции, оказываются в этих базах.

П. Кольеру, во время гражданских конфликтов этничность часто используется как инструмент пропаганды, и если этнические расколы не являются причинами конфликта, они могут быть его последствиями, так как общества попадают в «ловушку этнических категорий» [Collier, 2007, p. 56]. Другими словами, вражда между этническими группами может не быть причиной войны, но может стать ее результатом.

Этнические войны в странах, где одна этническая группа доминирует в принятии решений, а другая сконцентрирована на периферии («сыны почвы», по определению Фиарона), находятся на втором месте (после войн, связанных с контрабандным финансированием, см. ниже) по продолжительности (медиана – 23,2 года, среднее арифметическое – 33,7 года) [Fearon, 2004]. Сочетание ресурсов (контрабандное финансирование) и этнических притязаний увеличивает продолжительность этнических войн. В то время как идеологические гражданские войны ведутся с целью получения контроля над государством, этнические войны обычно являются сепаратистскими по природе. Группы стремятся к большей автономии или самоопределению, причем, по мнению А. Доунса, чем длилельнее война, тем больше вероятность появления требований политической независимости [Downes, 2006, p. 54].

При рассмотрении этничности как фактора этнических гражданских войн авторы понимают ее как примордиальную характеристику, как необходимый инструмент мобилизации ресурсов и стимулирования политических действий. Следовательно, лишения и дискриминация по этническому признаку провоцируют коллективные действия, для организации которых лидеры подчеркивают этническую принадлежность, что приводит к этническим войнам. Н. Самбанис уверен, что этнические войны характеризуются неизменной идентичностью и распространением историй о вековой вражде и дискриминации, поэтому все члены группы не имеют индивидуального выбора и вынуждены мобилизоваться, так как оппозиционная группа всегда будет видеть в них противников [Sambanis, 2000, p. 438]. Однако с точки зрения рационального выбора любые идеи общего блага, в том числе этнического, вызывают «проблему безбилетника», что усложняет мобилизацию и координацию действий этнических групп в вооруженных конфликтах [Collier, Hoeffler, 2004].

По мнению Л. Кребса, этнические группы определяются на основе общей идентичности, однако объединяющие характеристики не являются примордиальными. По его мнению, исследователям этнических войн свойственны две крайности. Одна воплощается во взгляде, что конфликт является следствием «вековой вражды» между различными этническими группами, другая представлена в утверждении, что стороны этнической войны – «банды мародеров, рекрутированные политическими лидерами под знаменами общей этничности» [Krebs, Vorrath, 2009]. Согласно Ф. Рёдеру, в этнических конфликтах на первом месте стоят политические лишения. В базе конфликтов «Меньшинства на грани риска» все 117 этнических групп поднимали вопросы и экономического, и политического плана, и только одна из 98 групп, выступивших за культурные права, не поставила вопрос о правах политических [Roeder, 2003, p. 512]. Государство находится в центре этнических конфликтов, так как в этнических конфликтах победитель получает власть и, возможно, международное признание. Таким образом, этничность становится инструментом социальной и политической включенности [Cederman, Girardin, 2007, p. 175].

В свою очередь Дж. Фиарон придерживается мнения, что в этнических конфликтах наблюдается переплетение рационального расчета и иррациональных эмоциональных реакций [Fearon, 1994]. Этническая мобилизация зависит от наличия коллективных идентичностей, мотивации и возможностей для совместных действий. Коллективные идентичности определяют границы этнических групп и создают основу для артикулирования и агрегации общих интересов, мотивация определяет стимулы, а возможности зависят от расстановки сил и других структурных факторов [Gurr, 2015]. Таким образом, когнитивный рациональный выбор усиливается аффективными ориентациями, базирующимися на этнической идентичности.

Этнические конфликты можно рассматривать и как следствие определенного пути государственностроительства, когда элиты не в состоянии по каким-то причинам включить и интегрировать население [Cederman, Buhaug, Rød, 2009, p. 499]. Исключение по этническому принципу стимулирует политическую мобилизацию за представительство и включение этнической группы в процесс принятия решений или создание отдельного государства, в котором их этническая группа будет доминировать [ibid., p. 499].

По мнению Дж. Фиарона, этничность является продуктом социальных и политических структур [Fearon, 1994, p. 5], т.е. результатом социализации, поэтому этнические конфликты можно объяснить не через примордиальную вражду, а через так называемую «дилемму безопасности», когда недоверие между этническими группами усиливается вследствие распада государства, что стимулирует внутренние конфликты [Posen, 1993; Fearon, 1994]. Р. Джервис описал дилемму безопасности следующим образом: «Дилемма в чистом виде возникает, когда одной группе противостоит недоверчивая другая и когда действия, направленные на усиление безопасности одной группы, расцениваются в качестве угрозы безопасности другой группы [цит. по.: Sambanis, 2000, p. 438]. Б. Позен считает, что дилемма усиливается, когда группы этнические, а государство ослаблено, либо формируется заново после распада или дезинтеграции [Posen, 1993]. По мнению Ч. Кауфмана, в условиях, когда этнические группы не уверены в том, что непредвзятая центральная власть может предотвратить гражданские конфликты, группы начинают мобилизацию с целью обороны. Такая мобилизация создает угрозу безопасности, так как «сложно принять эффективные оборонительные меры без превентивного наступления», и пока группы наступают и проводят этнические чистки, ни одна из них не может доверить свою безопасность другой [Kaufmann, 1998, p. 122].

Согласно Дж. Фиарону, когда две политические группы оказываются без третьей стороны, которая могла быть гарантом их соглашений, наблюдается всплеск этнического насилия. Независимо от настоящих договоренностей, никто не может дать гарантии соблюдения обязательств, поэтому отделение от слабого государства представляется лучшей альтернативой [подробнее см.: Fearon, 1994, p. 13–14]. Таким образом, дилемма безопасности приводит к превентивным войнам из-за невозможности ни получения гарантий в условиях анархии, ни достижения договоренностей, предотвращающих военные конфликты [Fearon, 1994].

По общепризнанному мнению, цивилизационные различия между сторонами конфликта только усиливают дилемму безопасности, так как они вызывают недоверие, поэтому увеличивается вероятность эскалации конфликта [Roeder, 2003, p. 514]. По его мнению, именно дискриминация в пользу одной цивилизационной или этнолингвистической группы привела к большому числу кон-

фликтов в 1990-е. «Когда государственная религия превращала цивилизационные меньшинства в официальных цивилизационных диссидентов, вероятность конфликта за политические права достигала 63,8%, а вероятность политического насилия – 40,2%. Если цивилизационные меньшинства были этнолингвистическими, вероятность насилия достигала 65,5% и 41,9%, соответственно» [ibid., p. 535].

На примере внутренних этнических конфликтов между группой большинства и группой меньшинства Дж. Фокс эмпирически проверил классическое утверждение С. Хантингтона о наступающем конфликте цивилизаций. Исследовав этнические конфликты в течение двух периодов (233 конфликта в 1945–1989 гг. и 275 конфликтов в 1990–1998 гг.), он пришел к выводу, что цивилизационные конфликты представляют меньшинство (38,2 и 37,8% соответственно). Исламские группы были вовлечены в большинство цивилизационных конфликтов (23,2 и 24,7%), однако только небольшой процент цивилизационных конфликтов происходил между группами исламской и западной цивилизаций (5,6 и 6,9%) [Fox, p. 464]. С. Фиш также проверил тезис о воинствующем исламе и не нашел свидетельств корреляции между преимущественно исламским населением и политическим насилием внутри страны (единственным значимым фактором в моделях Фиша был уровень демократии) [Fish, Jensenius, Michel, 2010].

Политологи, изучающие этнические корреляты гражданских войн, в качестве независимой переменной используют различные индексы этнической фракционализации¹ и приходят к противоречивым результатам. Многие количественные исследования не подтверждают связи между этническим составом и риском конфликтов. Большинство исследователей делают вывод об отсутствии влияния этнического состава на начало гражданской войны [Roeder, Fearon, Laitin, 2003; Fearon, Kasara, Laitin, 2007; Collier, Hoeffler, 2004]. Этническая гетерогенность уменьшает вероятность гражданской войны, так как координация действий усложняется [Collier, Hoeffler, 2004].

¹ Большинство индексов фракционализации основаны на формуле Херфиндаля и измеряют вероятность того, что два случайно выбранных индивида будут принадлежать к разным группам. Индекс этнолингвистической фракционализации (ЭЛФ) имеет значения от 0 (этническая гомогенность) до 100 (крайняя этническая гетерогенность).

По мнению П. Кольера, объективные этнические лишения должны играть определенную роль в провоцировании конфликта, однако их важность была сильно преувеличена, так как никаких эмпирических подтверждений он не нашел [Collier, Hoeffler, 2004; Collier, 2007]. В исследованиях Кольера основные показатели этнического разнообразия не могут объяснить начало гражданских войн: этническая фракционализация значима только на 0,1 уровне, этническая поляризация незначима, и только этническое доминирование увеличивает риск конфликта в два раза [Collier, Hoeffler, 2004].

По мнению Л.-Э. Седермана, только определенные этнические конфигурации приводят к насилию и гражданским войнам, поэтому его команда вводит альтернативный индекс этнического исключения, а также новую переменную «власть у меньшинства» и повторяет модели Фиарона, в результате получив положительные значимые коэффициенты, подтверждающие связь между этничностью и конфликтами на казусах Евразии [Cederman, Girardin, 2007, p. 180]. Дж. Фиарон, в свою очередь, добавил доминирование этнического меньшинства в качестве нового фактора риска, но не смог подтвердить наличие связи между властью меньшинства и гражданской войной [Fearon, Kasara, Laitin, 2007].

В некоторых исследованиях этническая гетерогенность увеличивает вероятность внутреннего вооруженного конфликта или прямо [Sambanis, 2000; Hegre, Sambanis, 2006; Toward a democratic... 2001], или только косвенно через взаимодействие с другими факторами [Blimes, 2006]. Некоторые авторы говорят о наличии нелинейной параболической связи между этнической фракционализацией и риском гражданской войны. Риск будет небольшим при этнической гомогенности и крайней гетерогенности и высоким – при расколе населения на небольшое число отчетливых этнических групп [Elbadawi, Sambanis, 2002]. Т. Эллингсен показывает, что различные аспекты многоэтнического состава (размер большей группы, число групп, размер группы меньшинства, этнические предпочтения) важны для объяснения внутренних вооруженных конфликтов. Конфликтов будет больше в странах, где доминирующая группа составляет менее 80% [Ellingsen, 2000, p. 241]. В ее исследовании связь между числом групп и риском вооруженного конфликта также имеет форму параболы: риск уменьшается при небольшом (1–2) и очень большом (5 и более) числе групп [ibid., p. 241].

М. Рейнал-Кверол считает, что отсутствие статистически значимой связи между этнической гетерогенностью и началом гражданской войны является следствием использования индекса ЭЛФ, поэтому она вводит индекс поляризации и показывает наличие устойчивой связи между поляризацией и риском гражданских войн. Риск войны в поляризованном обществе, разделенном на две равные группы, в шесть раз выше риска войны в гомогенном обществе [Montalvo, Reynal-Querol, 2005]. Дж. Эстебан и Д. Рэй показывают зеркальное влияние фракционализации и поляризации на вооруженные конфликты: конфликты в поляризованных обществах – редкие и сильные, в глубоко разделенных обществах – частые и слабые [Esteban, Ray, 2008].

Противоречивые результаты свидетельствуют о сложности операционализации и измерения этнических характеристик, а также часто являются результатом выбора разных казусов. Исследования, не подтвердившие связи между этническим составом и гражданскими войнами, рассматривали все казусы гражданских войн, не выделяя этнические войны в отдельную категорию. Имеет значение и выбор переменных: географические характеристики (пересеченная местность, удаленность от центра и пр.) предоставляют возможности для ведения войн и будут значимыми для всех типов гражданских войн, в том числе этнических.

Структурные причины гражданских и этнических войн

В 1960-е годы Т. Гурр выдвинул тезис о депривации и фрустрации: чем сильнее депривация, тем больше вероятность политического насилия. По его мнению, «у насилия всегда есть аперитив – эмоциональная база, а масштабы насилия зависят от степени ярости мобилизованных» [Gurr, 2015, p. 14]. Вслед за ним исследователи стали изучать факторы, ведущие к депривации, в основном социально-экономические (безработица, бедность и неравенство).

При исследовании гражданских войн в качестве зависимых переменных рассматриваются следующие: риск начала гражданской войны, ее продолжительность и риск возобновления конфликтов после завершения (независимо от целей акторов). Результатом таких количественных исследований обычно становится набор объективных независимых условий для зависимой перемен-

ной, круг которых довольно ограничен: уровень экономического развития, наличие ресурсов, состояние соседних государств, состоятельность государства, политический режим, демографические и географические характеристики и др. Большинство исследователей подчеркивают, что в случае отсутствия экономического развития ни политические институты (даже демократические), ни большие расходы на армию, ни этническая и религиозная гомогенность не обезопасят страну от начала конфликта. По мнению Кольера, риск начала вооруженного конфликта возрастает при низком уровне доходов и экономическом неравенстве, а в случае ресурсной экономики усиливается риск длительного конфликта [Collier, Hoeffler, 2004]. Согласно Хегге и Н. Самбанису, риск усиливается при большой численности населения и низком уровне благосостояния (ВВП на душу населения). Авторы обнаруживают устойчивую связь между риском войны и другими переменными, в том числе небольшим численным составом армии, пересеченной местностью, недемократическими и воинствующими соседями [Hegge, Sambanis, 2006].

Наличие ресурсов в бедных странах (алмазы, нефть, древесина, кофе, и т.п.) позволяет финансировать вооруженные группы, увеличивая продолжительность конфликтов. В исследовании Дж. Фиарона самыми продолжительными (медиана – 28 лет, среднее арифметическое – 48 лет) являются конфликты, в основе которых лежит контрабандное финансирование, получаемое от продажи ресурсов, в первую очередь нефти, алмазов и наркотиков [Fragon, 2004]. Продолжительность конфликта будет увеличиваться при концентрации ресурсов в удалении от центра, что облегчает их добычу и захват повстанцами. Соответственно, только общий отказ покупать ресурсы у повстанцев может прекратить конфликты, продолжающиеся на основе их продажи¹.

Авторы, изучающие конфликты и ресурсы, обращаются к проблеме «нефтяного проклятья». Нефтезависимость, по их мнению, приводит к войнам, причем эти войны ставят целью отделение некоторых регионов и отличаются большей интенсивностью и продолжительностью по сравнению с конфликтами в странах, не

¹ Политика запрещения торговли конфликтными ресурсами действует только в отношении алмазов (см.: Kimberley process [Процесс Кимберли]. – Mode of access: <http://www.kimberleyprocess.com/>).

имеющих нефти [Fearon, 2004]. В реальности сложно выделить главную причину конфликта в государстве (например, конфликт в Судане (Север – Юг) представлял собой сочетание расовых и религиозных расколов при наличии ресурсов (нефть). С точки зрения Т. Карл, нефть – важный стратегический ресурс, который может быть мотивом, средством и обоснованием продолжающихся вооруженных конфликтов, поэтому все войны в странах – экспортерах нефти являются нефтяными войнами, вне зависимости от их начала и заявленных требований [Karl, 2008].

В классической работе П. Кольера «Алчность и лишения» были операционализированы возможности (алчность) и мотивы (лишения) повстанцев, которые приводят к началу гражданских войн. Лишения имеют экономический, политический и социальный характер и связаны с исключением определенных групп населения, в том числе этнических, с неравенством и несправедливым распределением, что увеличивает недовольство, поэтому лишения приводят к гражданским конфликтам с целью восстановления справедливости. Факторами, дающими возможности для ведения войн, становятся ресурсы, рассредоточение населения, низкий уровень доходов и низкий уровень образования мужчин (они могут также вести к лишениям, но в модели Кольера мобилизовать необразованных и безработных будет легко и менее затратно, что увеличивает риск войны). Таким образом, бедность одновременно служит индикатором, мотивом и возможностью для вооруженного конфликта: при ВВП \$250 на душу населения риск войны возрастает на 15%, а при ВВП более \$5000 риск войны уменьшается до 1% [Collier, 2004].

Многие авторы демонстрируют устойчивую и значимую связь между географическими и климатическими факторами и началом и продолжительностью гражданских войн. Они объясняют начало войн или их продолжительность через соревнование за ресурсы вследствие климатических изменений [Toward a democratic... 2001]¹, наличием большой территории, гористой и пересеченной местности, обеспечивающей укрытие для повстанцев

¹ Экономисты университета Беркли пришли к выводу, что повышение температуры воздуха на 1 градус Цельсия увеличивает риск гражданской войны на 4,5%, причем для 11% наблюдений (страна/год) риск составит 49% [Warming increases... 2009, p. 1].

[Fearon, Laitin, 2003; Hegre, 2006], войны в соседнем государстве, которая пересекает государственные границы [Fearon, 2004; Cederman, Buhaug, Rød, 2009; Hegre, Sambanis, 2006].

Итак, среди глобальных и региональных сравнительных исследований гражданских войн преобладает структурный подход, в рамках которого рассматриваются различные предпосылки, факторы и условия, способствующие началу гражданских войн и продлевающие их. Статистическая значимость становится главным критерием для оценки влияния независимых переменных, в основном социально-экономических, благодаря их простой операционализации. Однако одни и те же факторы в разных сравнительных исследованиях приводят к разным событиям (гражданские войны, перевороты, реформы и революция), характерным для нестабильных политических режимов, поэтому следует рассмотреть причинно-следственные связи между политическими режимами и гражданскими войнами.

Войны и политические режимы

К политическим переменным, влияющим на риск и продолжительность гражданских войн, относятся распад государства и создание новых независимых государств, смена политического режима, слабость и нелегитимность действующего режима [Fearon, 2004; Hegre, Sambanis, 2006; Cederman, Buhaug, Rød, 2009]. Политические режимы создают определенные институциональные условия для начала гражданских войн, так как гарантируют политические и экономические права, представляют возможности для артикулирования и представительства интересов и вводят ограничения, которые ведут к фрустрации и лишениям определенных, чаще всего этнических, групп населения.

Теоретически демократические режимы должны предотвращать внутренние вооруженные конфликты, однако общепризнанный тезис о демократическом мире не подтверждается количественными исследованиями, так как у большинства авторов уровень демократии является незначимой переменной [Collier, Hoeffler, 2004; Fearon, Laitin, 2003]. У Седермана демократия становится значимой переменной, однако указывает на обратное направление

связи, т.е. способствует началу гражданской войны [Cederman, Girardin, 2007, p. 178–179].

Используя данные проекта Полити¹, исследователи находят подтверждение нелинейной (параболической) зависимости между уровнем демократии и риском гражданских войн [Toward a democratic... 2001; Fearon, Laitin, 2003] и говорят о стабильности консолидированных режимов любого типа. Хегре считает, что сильные авторитарные режимы могут подавить сопротивление лучше, чем смешанные режимы, поэтому автократии в среднем сохраняются 7,9 лет, полудемократии – 5,8 лет, демократии – 10 лет [Toward a democratic... 2001, p. 36]. У С. Гейтса стабильные автократии в среднем выживают 10 лет, а неустойчивые автократии – не более 4–5 лет [Institutional inconsistency... 2006, p. 904]. Таким образом, анократии (режимы с рейтингом Полити от –5 до +5), демократии с прилагательными, полудемократии или гибридные режимы, сочетающие демократические институты с недемократическими и непоследовательными практиками, наиболее уязвимы перед гражданскими войнами [Toward a democratic... 2001; Ellingsen, 2000; Gleditsch, 2012; Sambanis, 2000; Gandhi, Vreeland, 2004; Fearon, Laitin, 2003].

Это объясняется тем, что демократические режимы соблюдают гражданские права населения и не подвергают отдельные группы дискриминации, диктатуры же не соблюдают права, но используют репрессии. С точки зрения рационального выбора, граждане будут участвовать в вооруженных конфликтах только при отсутствии других возможностей влияния на власть. При стабильном авторитарном режиме иррационально восставать вследствие высоких затрат и небольших шансов на успех, при демократиях результаты мирных переговоров превысят любой выигрыш от конфликта, в то время как в полудемократиях внутренний конфликт будет оптимальным выбором [Ellingsen, 2000, p. 237]. Согласно Т. Эллингсен, демократии обладают институтами для разрешения конфликтов, а автократии подавляют любую оппозицию, анократии не могут использовать репрессии для подавления конфликта и не могут примирить стороны конфликта демократическим способом, поэтому они больше подвержены риску граждан-

¹ Polity IV project: Political regime characteristics and transitions, 1800–2013. – Режим доступа: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>

ских войн. По сравнению с демократиями риск внутренних конфликтов в 1,5 раза выше в автократиях и в 3 раза выше в полудемократиях [Ellingsen, 2000, p. 243]. К схожим результатам приходит Гейтс: анонотации в среднем существуют в 3,8 раз меньше демократий и в 1,7 раз меньше автократий [Institutional inconsistency... 2006, p. 900].

Полудемократии представляют собой сочетание полукоткрытости и частичного подавления. Такое сочетание стимулирует протесты, восстания и другие формы гражданского насилия, в том числе вооруженные конфликты. С одной стороны, репрессии приводят к лишениям и ставят целью ограничение представительства отдельных групп. С другой стороны, полукоткрытость способствует организации протестных действий. Такое институциональное противоречие, согласно Хегре, объясняет связь между гибридными режимами и вооруженными конфликтами [Toward a democratic... 2001, p. 33]. Независимо от институциональных характеристик, режимы с рангом от -5 до $+5$ неэффективны, слабые и / или нестабильные. По мнению Фиарона, слабым режимам не хватает ресурсов для подавления потенциальных повстанческих движений, поэтому они создают возможности как для сепаратистов, стремящихся к отделению, так и для повстанцев, пытающихся захватить центральную власть [Fearon, Laitin, 2003, p. 81].

Многие авторы считают, что гибридные режимы – переходные режимы, которые возникли после распада демократического или авторитарного режима и не успели консолидироваться. Распады политических режимов независимо от дальнейшего направления политического развития увеличивают вероятность гражданских войн. В исследовании Хегре риск начала гражданской войны на следующий день после смены режима увеличивается в 3,55 раза, через год – в 1,89 раз, и только через 6 лет можно говорить об отсутствии связи [Toward a democratic... 2001, p. 36]. Направление режимных изменений не имеет значения в краткосрочной перспективе. Согласно Хегре, демократизация и авторитаризация одинаково способствуют началу гражданских войн, причем пока полудемократии не перейдут к демократии, уровень насилия не уменьшится [ibid., p. 43–44]. Седерман также подтвердил сильную и позитивную связь между гражданскими (нетерриториальными) войнами и демократизацией и даже с автократизацией, хотя эти процессы следуют разной логике. При демократизации необходимо время на мобилизацию граждан для ведения войны, при авто-

кратизации крах демократии приводит к росту политического насилия, особенно в случае переворотов [Cederman, Hug, Krebs, 2010, p. 387].

Находя нелинейную параболическую связь между политическими режимами и гражданскими войнами, большинство исследователей не анализируют существенные характеристики гибридных режимов. Ранг от -5 до $+5$ по шкале Полити может означать множество разнообразных институциональных сочетаний переменных индекса (рекрутирование, соревновательность, участие), каждая из которых может способствовать или препятствовать началу вооруженных конфликтов. Наиболее устойчива полития с открытыми и соревновательными выборами, максимальными ограничениями исполнительной власти и максимальным уровнем участия (31 год), а наименее устойчива (0,8 лет) полития, в которой выборы и ограничение исполнительной власти сочетаются с низким уровнем участия [Institutional inconsistency... 2006, p. 903].

Согласно Голдстоуну, тип политического режима является главным фактором, объясняющим гражданские войны, операционализировать его нужно не через уровень демократии, а через конфигурацию политического участия и рекрутирования. Голдстоун выделяет два типа анократий: частичные демократии (режимы, в которых элиты избираются в ходе соревновательных выборов и политическое участие не контролируется, но по одному из этих измерений они отстают от полной демократии) и частичные авторитарии (режимы, которые либо проводят соревновательные выборы, либо разрешают политическое участие) – и демонстрирует, что последние подвержены большему риску гражданских войн [A global forecasting model... 2005].

Стабильные авторитарные режимы также сильно отличаются друг от друга в плане предоставления возможностей артикулирования интересов и использования репрессий, поэтому некоторые исследователи смотрят на риск гражданских войн через призму типа авторитаризма. Диктаторы в однопартийных режимах используют выборы для легитимизации своей власти, поэтому они зависят от поддержки населения и ограничены в применении насилия больше, чем другие диктаторы. При наличии сильной оппозиции диктатор может согласиться на демократизацию, чтобы избежать войны. В военных режимах при отсутствии политической партии, выборов и институтов для эффективного кооптирования оппозиции гражданская война становится продолжением политики

другими средствами. Х. Фьелде использует усеченную классификацию А. Хадениуса и анализирует риск гражданской войны в военных, однопартийных, многопартийных режимах и монархиях. Исследование демонстрирует, что военные режимы в два раза больше подвержены риску конфликтов, чем гражданские. Вероятность вооруженного конфликта в однопартийных режимах и монархиях составляет 0,7%, в многопартийной электоральной автократии – 1,5%, в военных режимах – 1,6% [Fjelde, 2010, p. 209]. Таким образом, риск конфликта связан с типом нового политического режима, и направление режимных изменений имеет значение. Дж. Ганди и Дж.Р. Врилэнд в исследовании институциональных факторов, обеспечивающих стабильность авторитарных режимов, показали, что гражданские войны наиболее вероятны в чистых диктатурах без институтов и наименее вероятны в демократиях и анократиях, или институционализированных диктатурах, т.е. диктатурах с выборами и парламентами. В их исследовании диктатуры с номинально демократичными парламентами менее склонны к гражданским войнам, наличие парламента в диктатурах уменьшает риск войны в два раза [Gandhi, Vreeland, 2004].

Таким образом, на риск развязывания гражданской войны влияют тип политического режима, недемократические институты, способ смены режима и направление политического развития. При либеральной демократии снижается риск гражданской войны, однако на пути демократии постконфликтное общество должно пройти минимум через две фазы транзита: демократизацию и консолидацию. Исследователи выявляют большую предрасположенность к откату в войну среди постконфликтных демократий, так как при жестком авторитаризме риск возобновления конфликта составляет 24,6%, при демократии – 62% [Collier, Hoeffler, Söderbom, 2006, p. 10]. Как показывает Б. Уолтер, уровень демократии демонстрирует значимую связь с началом первой гражданской войны и не связан с риском возобновляющихся войн [Walter, 2004, p. 384], поэтому войны, ранее развязанные и завершенные при авторитаризме, могут возобновиться в условиях новой демократии. В данном контексте необходимо понять, какие постконфликтные институты могут привести к новым конфликтам.

Перспективы постконфликтной демократии для разделенных обществ

Только 20% вооруженных конфликтов заканчиваются соглашением: из 372 завершившихся конфликтов с 1946 по 2005 г. 120 конфликтов закончились победой, 57 – мирным соглашением, 47 – прекращением огня¹ [Zartman, 2009, p. 323]. Переговорное завершение войны является менее стабильным результатом: откат к гражданской войне происходит в два-три раза чаще, чем при убедительной победе. Конфликты возобновляются в 12% случаев, завершившихся победой, и в 29% случаев, завершившихся переговорами, причем все войны, возобновившиеся после перемирия, были этническими, а этнические войны, разрешающиеся переговорным процессом, возобновляются в половине случаев [Downes, 2006, p. 50–51].

Этнические войны приводят к поляризации общества, поэтому этнические группы легко снова мобилизовать при появлении недоверия к новым институтам или акторам из антагонистической группы и неуверенности в соблюдении достигнутых договоренностей (дилемма безопасности). Возобновление этнических войн можно предотвратить через компромиссные договоренности об институциональных изменениях политической системы (разделение власти и ответственности и достижение региональной автономии) либо об отделении. Отделение удовлетворяет националистические стремления к государственности и не требует ни разоружения сторон, ни взаимного сотрудничества бывших противников [Downes, 2006, p. 50], следовательно, не создает причин для появления дилеммы безопасности. Еще Д. Растоу считал, что единственным предварительным условием для развития демократии является наличие национального единства, осознание гражданами общей идентичности или по меньшей мере отсутствия у них «сомнений или мысленных оговорок относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат» [Растоу, 1996, с. 7].

По мнению Растоу, проблемы государственного единства и формирования общей идентичности должны решаться до начала процесса демократизации. Острые этнические расколы и противо-

¹ Остальные 148 завершились в результате миротворческих операций, сепарации или сочетания нескольких вариантов.

речия препятствуют достижению демократии, так как могут вести к различным формам национализма, подъему националистических движений, продолжающимся вооруженным конфликтам и этническим войнам. Поэтому Растоу заключал: если «линия раскола точно совпадает с региональными границами, результатом, скорее всего, будет не демократия, а сецессия» [Растоу, с. 9]. Горовиц также рекомендовал отделение антагонистических групп, сконцентрированных территориально. «В случае если группы не могут жить вместе в гетерогенном государстве, им будет лучше жить отдельно в нескольких гомогенных государствах», – считал он [цит. по: Sambanis, 2000, p. 437].

Идея территориального разделения враждующих групп целью урегулирования этнического конфликта продолжает находить поддержку среди политиков и политологов. Как пишет Кауфман, этнические гражданские войны не завершатся, пока противоборствующие группы не потеряют стимулы для борьбы, т.е. не окажутся в «гомогенных этнических анклавах» [Kaufmann, 1998]. Он проверил серию гипотез о связи между возобновлением конфликта и разделением и пришел к выводу, что никакие попытки разрешения конфликта не будут эффективными без разделения по этническому принципу, причем «разделение (англ. *partition*) без отделения (англ. *separation*) только усиливает конфликты» [ibid., p. 123]. Кауфман считает, что репатриация беженцев после окончания этнической войны на территории, занятые во время военных действий другой этнической группой, снова вызовет дилемму безопасности и тем самым воссоздаст условия для возобновления войны [ibid., p. 156]. Если Ч. Кауфман пришел к выводу, что отделение уменьшает насилие, предотвращает новые конфликты и приводит к миру [ibid.], то в исследовании Н. Самбаниса отделение не «только не предотвращает возобновление войны, но и не является лучшим решением» [Sambanis, 2000]. Вмоделях Самбаниса демонстрируется значимая и позитивная корреляция между идентичностными войнами (этническими и религиозными) и отделением, причем вероятность отделения уменьшается при большей этнической гетерогенности и увеличивается с ростом размера этнических групп [ibid., p. 457].

Доунс придерживается более компромиссного подхода, считая, что отделение предпочтительно только в случае острого этнического конфликта и невозможности достижения соглашения о

едином государстве [Downes, 2006, p. 50]. Однако в исследовании Б. Уолтер территориальные уступки поощряют имитационные действия, когда новые силы начинают требовать отделения от государства, согласившегося на концессию [Walter, 2004, p. 379]. Как показывает посткоммунистическая история, новые территориальные требования и необходимость решения дилеммы безопасности могут появиться и в границах постконфликтных новых независимых государств [см.: Харитоновна, 2013].

Кроме отделения существуют и другие способы достижения гражданского мира. А. Степан писал, что при культурном многообразии можно построить нацию-государство и государство-нацию. Нация-государство возникает вследствие создания общей культурной идентичности, политики ассимиляции или использования репрессий. Государство-нация формируется благодаря политико-институциональному подходу, базирующемуся на идее сохранения множества идентичностей и их комплементарности. Все группы получают возможности выражения своих интересов, и общая «мы-идентичность» закрепляется институциональными механизмами, гарантирующими защиту различий, такими как асимметричный федерализм и консоциативные процедуры. В теории А. Степана и Х. Линца «подход нации-государства предполагает создание общей культуры внутри государства, подход государства-нации требует большего – уважения к общим институтам и социокультурным отличиям», причем «государство-нация является не предустановленной реальностью... а результатом политики и дизайна» [Stepan, Linz, Yadav, 2011, p. 4–5]. Как отмечают И. Кудряшова и Е. Мелешкина, политика государственностроительства приобретает «выраженную страновую специфику, обусловленную историческим прошлым, геополитическим положением и рядом других факторов. Способы такой политики могут быть разными: закрепление одного государственного языка, фальсификация истории, переписывание учебников, введение новых национальных символов, праздников и героев, запрет иноязычного вещания, прямые репрессии и др. Один из действенных механизмов консолидации является создание “анклавов” этнических меньшинств, в большей или меньшей мере исключаемых из политического сообщества страны» [Кудряшова, Мелешкина, 2009, с. 47].

В исследованиях П. Кольера демократия не является эффективным инструментом ни для предотвращения возобновления

войн, ни для сохранения постконфликтного мира [Collier, 2007]. Однако большинство политологов согласны с тем, что демократизация в конечном итоге приведет к демократическому гражданскому миру, так как демократические механизмы смогут разрешить конфликты и перевести их в институциональное русло, тем самым предотвратив эскалацию насилия, репрессии и дискриминацию каких-либо групп. А. Пшеворский писал, что «политические институты регулируют конфликты мирным способом при условии, что организованные политические силы продвигают свои интересы в институциональных рамках и признают любые результаты институционального взаимодействия» [Пшеворский, 2013, с. 400]. По мнению Горовица, «демократические правила работают только в случае неострых этнических расколов, когда нет ни четких политических аффилиаций, ни устойчивого разделения на меньшинство и большинство» [Horowitz, 1993, p. 28], т.е. когда новые политические партии не формируются по этническому принципу.

Проблема строительства демократии в этнически сегментированных обществах с глубокими противоречиями была в основе выдвинутой А. Лейпхартом концепции общественной (консоциативной) демократии. По логике данной модели, антагонистические группы в целях достижения демократического мира должны ориентироваться на сотрудничество и компромисс. Данная концепция, как и предлагаемые в ее рамках институты (пропорциональное представительство, право вето, автономия сегментов и большая коалиция), опирается на идею согласования и приспособления различных интересов, обеспечивающую перенос конфликта в институциональные демократические рамки при сохранении государственности. В этом случае именно фрагментация будет способствовать становлению демократии (при условии наличия небольшого числа равновеликих сегментов) [подробнее см.: Лейпхарт, 1997] и готовности элит соблюдать достигнутые договоренности. В противном случае возникает риск возобновления конфликта.

«Мир удастся сохранить при таком институциональном дизайне, при котором шанс победы на институциональном поле сравним с шансом преобладания в результате силового способа» – считает Пшеворский [Пшеворский, 2013, с. 401]. Однако, согласно Горовицу, сложно выделить институты, способствующие многоэтнической демократии, так как демократия может привести как к

правлению большинства при исключении меньшинства, так и к правлению меньшинства при исключении большинства [Horowitz, 1993, p. 20], так как «в теории многие институты совместимы с демократией, но не все они способствуют многоэтнической включенности» [ibid., p. 28].

Для обеспечения гражданского мира институты должны предотвращать появление дилеммы безопасности, обеспечив взаимное доверие и возможность артикулирования интересов обеих сторон. Оптимальными институциональными формулами считаются автономия и федерализм, разделение ответственности (англ. *power sharing*), включающее резервирование постов и полномочий за членами определенных групп, пропорциональное представительство и право вето меньшинства. Наибольшим позитивным действием для демократического мира обладает автономия. Так, в исследовании Кольера при отсутствии автономии риск возобновления конфликта составляет 46,2%¹, при наличии автономии – снижается до 12,2% [Collier, Hoeffler, Söderbom, 2006, p. 11]. С точки зрения Горовица, этническая включенность в большую коалицию не решает проблемы, а «ex cathedra советует сторонам этнического конфликта отложить свой конфликт... так как появление включающего многоэтнического правительства приведет к началу новой борьбы за включение и исключение... поэтому такие правила не будут устойчивыми» [Horowitz, 1993, p. 32].

Выбирая между системами правления, многие авторы не рекомендуют вводить президентскую или полупрезидентскую формы, особенно с большими полномочиями всенародно избранных президентов. Наименее подходящей считается президентская форма с единоличным президентом, так как президент и сосредоточенная у него исполнительная власть будет представлять либо большинство, либо меньшинство. Специфические черты президентских систем (фиксированные сроки полномочий президента и парламента, разделение исполнительной и законодательной властей, выражающееся в отсутствии у парламента права выражать недоверие правительству, а у президента – права роспуска парламента) делают кризисы между двумя ветвями власти неразрешимыми и создают ситуации взаимоблокирования [см.: Харитоновна,

¹ Переменная «автономия» значима только на уровне 15%.

2012]. В условиях гетерогенных обществ вероятность попыток разрешения таких конфликтов неконституционным путем возрастает.

Стимулом для возобновления этнического конфликта могут стать выборы. По мнению Доунса, постконфликтные выборы играют роль этнической переписи населения, так как конфликт между группами усиливает внутригрупповую солидарность, что не способствует компромиссам и доверию противоположной группе [Downes, 2006, p. 53]. В таких условиях политические институты, построенные на принципах доверия, консенсуса и аккомодации, зайдут в тупик [ibid., p. 53] и могут распасться. Поэтому важно выбирать электоральные законы, способствующие включенности всех групп населения в процесс выборов и процесс принятия решений, и при наличии избирательного порога сделать его низким [Reynolds, Reilly, 2008, p. 126]. Большинство политологов с этой целью рекомендуют использование системы пропорционального представительства [Carey, Nix, 2011; Reynolds, Reilly, 2008]. Рейнал-Квиrol показала эмпирически, что пропорциональное представительство снижает риск гражданской войны [Reynal-Querol, 2002].

Исследование П. Кольера, А. Хоффлер и М. Сёдербома показало, что постконфликтные выборы переносят риск войны от года до выборов на год после выборов, тем самым увеличивая риск конфликтов в будущем¹ [Collier, Hoeffler, Söderbom, 2006]. Авторы считают, что выборы создают только видимость мира и не являются инструментом для системного разрешения конфликтов. Поэтому некоторые политологи рекомендуют начинать с местных выборов и постепенно переходить на вышестоящий уровень [Reynolds, Reilly, 2008, p. 126].

В отличие от стратегии разделения ответственности (англ. *power sharing*), Ф. Рёдер предлагает стратегию разделения власти (англ. *power dividing*) или множественного большинства (англ. *multiple-majorities*), отличительной чертой которой является акцент на гражданское общество (а не государство) и на институты, «ограничивающие привилегированное представительство отдельных культурных общин и поощряющие политическое представительство как можно большего числа культурных и социально-экономических

¹ Проведение выборов уменьшает риск конфликта в год выборов с 6,2% до 3,4%, однако на следующий год после выборов риск возрастает с 5,2% до 10,6% [Collier, Hoeffler, Söderbom, 2006, p. 10–11].

интересов» [Roeder, 2011]. При такой стратегии процесс принятия решений распределяется горизонтально и вертикально, но решения принимаются большинством в каждом органе, имеющем определенную узкую сферу полномочий. В отличие от стратегии разделения ответственности, стратегия разделения власти не дает рекомендаций по отдельным институтам, но стремится увеличить способы представительства. Однако для проведения такой стратегии также будут необходимы государственное единство (в понимании Д. Растоу) и политическая воля акторов политического процесса.

* * *

В настоящий момент сложился консенсус вокруг определения гражданских и этнических войн, однако не достигнуто согласие относительно причин и условий. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими, политическими и иными контекстуальными переменными и риском начала гражданских войн. Такие связи понимаются как структурные предпосылки гражданских войн, обусловленные влиянием определенных структур, а не намерениями, действиями и мотивами акторов. Многомерные статистические модели установили значимые эмпирические закономерности и выявили множество факторов, коррелирующих с началом гражданских войн и их возобновлением. Главными проблемами остаются операционализация и измерение ключевых переменных и сложности объяснения причинно-следственных механизмов обнаруженных связей. По мнению некоторых авторов, гетерогенность акторов гражданских и этнических войн, наличие нелинейных механизмов, ответных реакций, неслучайных взаимодействий и тропозависимой динамики не соответствуют результатам, полученным в ходе количественных исследований с большим числом казусов [Bhavnani, Miodownik, 2009, p. 3]. Гражданские и этнические войны могут начинаться при разных сочетаниях структурных факторов, однако стремление разрешить конфликты в институциональных рамках является следствием политической воли акторов конфликта. Таким образом, акторы могут предотвратить вооруженные конфликты, способствовать постконфликтному политическому урегулированию и препятствовать возобновлению конфликтов. Однако, по мнению П. Кольера,

«в странах, в которых плохое правление сосуществует с восстанием, повстанцы обычно не стремятся к хорошему правлению, являясь не менее жестокими и не более компетентными», чем действующие диктаторы [Collier, 2007].

Список литературы

- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. – № 2(5). – С. 45–55.
- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 286 с.
- Пиеворский А.* Политический институт и политический порядок // Демократия в российском зеркале. – М.: МГИМО, 2013. – С. 398–428.
- Растоу Д.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. – М., 1996. – № 5. – С. 5–15.
- Харитоновна О.Г.* Президентство и демократия: состояние дискуссии // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 199–213.
- Харитоновна О.Г.* СФРЮ: институциональные проблемы этнической федерации // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 3. – С. 190–205.
- Bhavnani R., Miodownik D.* Ethnic polarization, ethnic salience, and civil war // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2009. – Vol. 53, N 1. – P. 30–49.
- Blimes R.J.* The indirect effect of ethnic heterogeneity on the likelihood of civil war onset // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2006. – Vol. 50, N 4. – P. 536–547.
- Warming increases the risk of civil war in Africa / Burke M., Miguelc E., Satyanath S., Dykema J.A., Lobell D.B. // PNAS. – Baltimore, 2009. – Vol. 106, N 49. – Mode of access: www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.0907998106 (Дата посещения: 15.09.2013.)
- Cary J.M., Hix S.* The electoral sweet spot: Low-magnitude proportional electoral system // American journal of political science. – Detroit, MI, 2011. – Vol. 55, N 2. – P. 383–397.
- Cederman L.-E., Buhaug H., Rød J.K.* A GIS-based analysis // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2009. – Vol. 53, N 4. – P. 496–525.
- Cederman L.-E., Girardin L.* Beyond fractionalization: Mapping ethnicity onto nationalist insurgencies // American political science review. – Cambridge, 2007. – Vol. 101, N 1. – P. 173–185.
- Cederman L.-E., Hug S., Krebs L.* Democratization and civil war: Empirical evidence // Journal of peace research. – Ann Arbor, Mich., 2010. – Vol. 47, N 4. – P. 377–394.
- Collier P.* Ethnic civil wars. Securing the post-conflict peace // Harvard international review. – Cambridge, Mass., 2007. – Vol. 28, N 4. – P. 56–60.
- Collier P., Hoeffler A.* Greed and grievance in civil war // Oxford economic papers. – Oxford, 2004. – Vol. 56. – P. 563–595.
- Collier P., Hoeffler A., Söderbom M.* Post-conflict risks / Centre for the study of African economies, university of Oxford. – Oxford, 2006. – Mode of access:

- <http://www.csae.ox.ac.uk/workingpapers/pdfs/2006-12text.pdf> (Дата посещения: 1.11.2015.)
- Downes A.B.* More borders, less conflict? Partition as a solution to ethnic civil wars // SAIS Review. – Washington D.C., 2006. – Vol. 26, N 1. – P. 49–61.
- Elbadawi I., Sambanis N.* How much war will we see? Explaining the prevalence of civil war // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2002. – Vol. 46. – P. 307–334.
- Ellingsen T.* Colorful community or ethnic witches' brew?: Multiethnicity and domestic conflict during and after the Cold War // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2000. – Vol. 44, N 2. – P. 228–249.
- Esteban J., Ray D.* Polarization, fractionalization and conflict // Journal of peace research. – Oslo, 2008. – Vol. 45, N 2. – P. 163–182.
- Fearon J.* Ethnic war as a commitment problem: Paper presented at the 1994 Annual Meetings of the APSA, N.Y., August 30 – September 2. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.
- Fearon J.* Why do some civil wars last so much longer than others? // Journal of peace research. – Oslo, 2004. – Vol. 41, N 3. – P. 275–301.
- Fearon J., Laitin D.* Ethnicity, insurgency, and civil war // American political science review. – Washington, D.C., 2003. – Vol. 97, N 1. – P. 75–90.
- Fearon J., Kasara K., Laitin D.* Ethnic minority rule and civil war onset // American political science review. – Washington, D.C., 2007. – Vol. 101, N 1. – P. 187–193.
- Fish S., Jensenius F.R., K. Michel E.* Islam and large-scale political violence: Is there a connection? // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2010. – Vol. 43, N 11. – P. 1327–1362.
- Fjelde H.* Generals, dictators, and kings: Authoritarian regimes and civil conflict, 1973–2004 // Conflict management and peace science. – Philadelphia, PA, 2010. – Vol. 27, N 3. – P. 195–218.
- Fox J.* Two Civilizations and ethnic conflict: Islam and the west // Journal of peace research. – Oslo, 2001. – Vol. 38, N 4. – P. 459–472.
- Gandhi J., Vreeland J.* Political institutions and civil war: Unpacking anocracy. – 2004. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.
- Institutional inconsistency and political instability: Persistence and change in political systems revisited, 1800–1998 / Gates S., Hegre H., Jones M.P., Strand H. // American journal of political science. – Detroit, MI, 2006. – Vol. 50, N 4. – P. 893–908.
- Gleditsch N.P.* Whither the weather? Climate change and conflict // Journal of peace research. – Oslo, 2012. – Vol. 49, N 1. – P. 3–9.
- A global forecasting model of political instability / Goldstone J.A., Bates R.H., Gurr T.R., Lustik M., Marshall M.G., Ulfelder J.: Paper prepared for presentation at the Annual Meeting of the APSA, Washington, DC, September 1–4, 2005. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.
- Gurr T.D.* Political rebellion. Causes, outcomes and alternatives. – L.; N.Y.: Routledge, 2015. – 291 p.
- Toward a democratic civil peace? Democracy, political change, and civil war, 1816–1992 / Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gleditsch N.P. // American political science review. – Washington, D.C., 2001. – Vol. 95, N 1. – P. 33–48.

- Hegre H., Sambanis N.* Sensitivity analysis of empirical results on civil war onset // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2006. – Vol. 50, N 4. – P. 508–535.
- Horowitz D.* Democracy in divided societies // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 1993. – Vol. 4, N 4. – P. 18–38.
- Karl T.L.* Democracy over a barrel: Oil, regime change and war / Center for the study of democracy, Univ. of California. – Irvine, 2008. – Из личного архива О.Г. Харитоновой.
- Kaufmann C.D.* When all else fails: Ethnic population transfers and partitions in the twentieth century // International security. – Cambridge, MA, 1998. – Vol. 23, N 2. – P. 120–156.
- Krebs L.F., Vorrath J.* Democratisation and conflict in ethnically divided societies. // Living reviews in democracy. – Zurich, Switzerland: Center for Comparative and International Studies: NCCR Democracy, 2009. – Mode of access: http://www.cis.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/Working_Papers/Living_Reviews_Democracy/Vorrath%20Krebs.pdf (Дата посещения: 21.12.2015.)
- Montalvo J., Reynal-Querol M.* Ethnic polarization, potential conflict, and civil wars // American economic review. – Nashville, Tenn., 2005. – Vol. 95, N 3. – P. 796–816.
- Posen B.R.* The security dilemma and ethnic conflict // Survival. – Oxford, 1993. – Vol. 35, N 1. – P. 27–47.
- Reynal-Quero M.* Ethnicity, political systems, and civil wars // Journal of conflict resolution. – Ann Arbor, Mich., 2002. – Vol. 46, N 1. – P. 29–54.
- Reynolds A., Reilly B.* Electoral system design: The new international IDEA Handbook. – Stockholm: International institute for democracy and electoral assistance, 2008. – 223 p.
- Roeder P.G.* Clash of civilizations and escalation of domestic ethnopolitical conflicts // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2003. – Vol. 36, N 5. – P. 509–540.
- Sambanis N.* Partition as a solution to ethnic war: An empirical critique of the theoretical literature // World politics. – Baltimore, 2000. – Vol. 52, N 4. – P. 437–483.
- Stepan A., Linz J., Yadav Y.* Crafting state-nations. India and other multinational democracies. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 2011. – 336 p.
- Walter B.* Does conflict beget conflict? Explaining recurring civil war // Journal of peace research. – Oslo, 2004. – Vol. 41, N 3. – P. 371–388.
- Zartman W.I.* Conflict resolution and negotiation // The SAGE handbook of conflict resolution / Bercovitch J. et al. ed. – L.: Sage, 2009. – P. 322–339.